

Вождь краснокожих

Написанный в начале прошлого века рассказ Вождь краснокожих читать интересно и по сей день. Сюжет, вращающийся вокруг предприимчивого и находчивого мальчишки и его незадачливых похитителей, лег в основу многих современных ТВ-проектов для маленьких зрителей.

Юмористическое произведение легко воспринимается детьми и подростками, ведь в центре повествования – их сверстник, пусть и живущий в другую эпоху. Не будем раскрывать всех деталей истории, ведь Вождя краснокожих О Генри прочитать можно на одном дыхании. Много времени он не займет, зато оставит после себя приятное послевкусие и хорошее настроение.

* * *

Дельце, на первый взгляд, показалось нам выгодным... Но погодите, дайте-ка я все расскажу по порядку.

Мы с Биллом Дрисколлом в ту пору подвизались на Юге, в Алабаме. Там-то нас и осенила блестящая идея насчет похищения. Должно быть, как позже говаривал Билл, нашло на нас временное помрачение ума, – да только поняли мы это гораздо позже.

Есть там один городишко, плоский, как днище сковородки, и, конечно, называется он Вертис, то есть «Вершины». Живет в нем безобидная и всем на свете довольная деревенщина.

Капитала у нас с Биллом в то время было долларов шестьсот на двоих, а требовалось нам еще как минимум две тысячи для одной операции с земельными участками в Западном Иллинойсе.

Вот мы и толковали об этом, сидя на крылечке гостиницы в Вертисе. Похищение с последующим выкупом, убеждал меня Билл, повернуть здесь куда проще, чем там, где регулярно выходят газеты, которые тут же поднимут вой и разошлют во все стороны переодетых репортеров. К тому же городишко не сможет выслать за нами вдогонку никого, кроме какого-нибудь помощника шерифа да пары соседей жертвы.

Выходило вроде бы недурно.

Жертвой мы выбрали единственного сына самого видного обитателя Вертиса. Звали его Эбenezер Дорсет. Это был человек почтенный и весьма прижимистый, скупавший просроченные закладные и ведавший воскресными церковными сборами. Мальчишке на вид можно было дать лет десять, лицо у него сплошь было усеяно веснушками, а волосы имели приблизительно такой же цвет, как обложки журналов в киосках на железнодорожных станциях. Мы с Биллом прикидывали, что Дорсет-старший, не раздумывая, выложит нам за свое чадо две тысячи, и на меньшее решили не соглашаться.

Милях в двух от городка находилась небольшая гора с пологими склонами, поросшими густым сосняком. В дальнем склоне этой горки имелась пещера. Там мы сложили запас провизии и приступили к осуществлению нашего плана.

Однажды вечером мы проехали в двуколке мимо дома старика Дорсета. Мальчишка шлепал на улице и пулял камнями в котенка, вскарабкавшегося на забор.

– Эй, парень! – окликнул его Билл. – Хочешь прокатиться и получить пакетик леденцов?

Мальчишка, не долго думая, зафигачил Биллу прямо в глаз обломком кирпича.

– Так, – сказал Билл, перелезая через борт повозки и держась за физиономию. – Это будет стоить старику лишних пятьсот долларов...

Парень, скажем прямо, дрался, как средних размеров гризли, но мы все-таки его скрутили и затолкали на дно повозки. Добравшись до места, мы отвели его в пещеру, а лошадь я привязал в сосняке. Как только стемнело, я отвез двуколку на ферму, где мы ее взяли напрокат, а оттуда вернулся пешком.

Гляжу: Билл клеивает пластырем ссадины на своей физиономии. За скалой у входа в пещеру пылает костер, а наш парень с двумя ястребиными перьями в рыжих патлах не сводит глаз с закипающего кофейника.

Подхожу поближе, а он целится в меня палкой и говорит:

– Проклятый бледнолицый, как ты посмел явиться в лагерь вождя краснокожих по имени Гроза Прерий?

– Мы с ним играем в индейцев, – говорит Билл, подтягивая штаны, чтобы лучше разглядеть синяки на щиколотках. – Цирк по сравнению с нами – чисто виды Святой Земли в альбоме с картинками. Я, понимаешь, старый охотник Хэнк, пленник вождя, и поутру с меня сдерут скальп, а потом сожгут к чертям. Святые великомученики! И здоров же драться ногами этот парень!

Да, сэр, мальчишка резвился вовсю. Жить в пещере ему пришлось по вкусу, он и думать забыл, что и сам в заложниках. Меня он, недолго думая, нарек Змеиным Глазом и объявил, что, когда его лучшие воины вернутся из похода, я тоже буду изжарен на костре на восходе солнца. Когда же мы уселись ужинать, наш парень, набив рот хлебом с беконом, произнес застольную речь примерно такого содержания:

– Тут у вас классно! Я еще никогда не жил в лесу; зато у меня один раз был ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось целых девять лет... Ненавижу ходить в школу. А тут в лесу водятся настоящие индейцы?.. Хочу еще подливки... Ветер чего дует? Потому, что деревья качаются?.. У нас было пятеро щенят... Хэнк, что это нос у тебя такой красный?.. У моего папаши денег видимо-невидимо... А звезды горячие?.. В субботу я два раза подряд отлупил Эда Уокера... Не люблю девчонок!.. Почему апельсины круглые?.. А кровати у вас в пещере есть?.. Попугай умеет говорить, а рыбы нет... Дюжина – это сколько будет?..

Каждые пять минут парень вспоминал, что он индеец, и, схватив свою палку, которую он именовал ружьем, прокрадывался к выходу из пещеры – выслеживать лазутчиков проклятых бледнолицых. Время от времени он испускал боевой клич, от которого старого охотника Хэнка бросало в дрожь. Да, сэр, бедолагу Билла этот мальчишка запугал до полусмерти с самого начала.

– Эй, – говорю ему, – Гроза Прерий, а домой тебе разве не хочется?

– А чего я там не видал? – отвечает он. – Мне в лесу нравится. Ты же не потащишь меня домой, Змеиный Глаз?

– Пока не потащу, – говорю я. – Мы еще малость поживем в пещере.

– Вот здорово! – говорит он. – В жизни мне еще не было так весело.

Спать мы улеглись незадолго до полуночи. Расстелили в пещере одеяла, уложили вождя краснокожих, а сами легли по обе стороны. Часа три кряду он не давал нам уснуть – то и дело вскакивал, хватаясь за свое ружье. При каждом треске ветки или шорохе листвы ему чудилось, что к пещере подкрадывается не то шайка разбойников, не то враждебное племя. Под конец я все-таки заснул тревожным сном, и мне привиделось, будто меня похитил и приковал к дереву дюжий рыжеволосый пират с деревянной ногой и ржавым тесаком.

Но долго нежиться мне не пришлось: на рассвете меня буквально вырвал из сна истошный визг Билла. Не крик, не вопль, не рев, какого следовало бы ожидать от голосовых связок взрослого мужчины, а совершенно непристойный, жуткий, унижительный, раздирающий барабанные

перепонки визг. Так визжат женщины при виде призрака или волосатой гусеницы. Ужасно, скажу я вам, когда на ранней заре в пещере визжит упитанный, крепкий и, в общем-то, храбрый мужчина.

Я вскочил, чтобы взглянуть, что случилось. Гроза Прерий сидел на груди Билла, одной рукой вцепившись ему в волосы. В другой он держал остро отточенный ножик и деловито пытался содрать с Билла скальп, то есть самым недвусмысленным образом исполнял приговор, который сам же и вынес ему накануне вечером.

Я с трудом отнял у мальчишки нож и снова уложил его. Но с этой роковой минуты дух Билла окончательно надломился. Он растянулся на своем краю постели, однако за все то время, что парень оставался с нами, больше ни разу не сомкнул глаз. Я малость вздремнул, но к восходу солнца вдруг вспомнил, что вождь краснокожих грозился изжарить меня на костре именно в это время. Не сказать, что я сильно нервничал, но все-таки выбрался из пещеры, набил трубку, прикурил от еще тлевшего уголька и прислонился спиной к скале.

– Ты чего вздернулся в такую рань, Сэм? – спрашивает Билл.

– Я? Да что-то плечо разнылось. Думаю, может полегче станет, если посидеть.

– Врешь, – говорит Билл. – Ты просто боишься. Он обещал сжечь тебя на рассвете, и ты думаешь, что так он и сделает. И сжег бы, если б сообразил, куда я спрятал спички. Слушай, Сэм, ведь это ужас. Ты в самом деле уверен, что кто-нибудь заплатит хотя бы четвертак за то, чтобы это исчадие вернулось домой?

– Уверен, – говорю я. – Как раз таких и боготворят папаши с мамашами. А теперь вы с грозой Прерий вставайте и принимайтесь за готовку, а я поднимусь на гору и осмотрюсь как следует.

Я поднялся на вершину нашей горки и окинул взглядом окрестности. В той стороне, где находился городок, я ожидал увидеть толпу фермеров с косами и вилами, обшаривающих каждый куст в поисках коварных похитителей. Вместо этого передо мной предстал совершенно мирный пейзаж. Никто не шлялся с баграми вдоль реки; не скакали взад-вперед всадники, неся погруженным в скорбь родителям неутешительные вести. Сонным покоем веяло от всей той части штата Алабама, которая простиралась передо мной.

– Может, – сказал я себе в утешение, – еще и не обнаружили, что ягненок пропал из загона. Боже, помоги волкам!

Затем я спустился с вершины – пора было завтракать.

Подхожу к пещере и вижу: Билл стоит, прижавшись к скале, и едва дышит, а мальчишка собирается врезать ему камнем чуть не с кокосовой орех величиной.

– Он сунул мне за шиворот печеную, с пылу, картошку, – объясняет Билл, – и раздавил ее в придачу, а я ему надрал уши. Ружье при тебе, Сэм?

Я отнял у вождя камень и кое-как умиротворил обоих.

– Но ты берегись! – говорит мальчишка Биллу. – Еще ни один человек не драл уши Грозе Прерий, не поплатившись за это.

После завтрака парень достает из кармана какой-то кусок кожи, обмотанный бечевкой, и выходит из пещеры, разматывая бечевку на ходу.

– Что это он задумал? – обеспокоенно спрашивает Билл. – Как думаешь, Сэм, он не убежит?

– На этот счет можешь не беспокоиться, – говорю я. – Домоседом его не назовешь. Но нам уже пора подсуетиться насчет выкупа. Правда, пока еще не видно, чтобы в городе особенно встревожились из-за того, что мальчишка исчез. В любом случае, сегодня его должны хватиться. К вечеру мы отправим его отцу письмо и потребуем свои две тысячи.

И тут прогремел боевой клич. Та штука, которую Гроза Прерий вытащил из кармана, оказалась пращой, и теперь он со свистом крутил ее над головой. Я успел увернуться и услышал позади себя глухой удар и что-то похожее на вздох лошади, когда с нее в конце длинного перегона снимают седло. Камень величиной с яйцо угодил Биллу в голову как раз за левым ухом. Ноги у моего приятеля подкосились, и он рухнул головой в костер, опрокинув при этом кастрюлю с кипятком для мытья посуды. Я вытащил его из золы и добрых полчаса отливал холодной водой.

Мало-помалу Билл пришел в себя, сел, пощупал за ухом, где вздулась шишка величиной с грейпфрут, и говорит:

– Сэм, а знаешь, кто у меня любимый персонаж в Библии? Царь Ирод.

– Ты не нервничай, – говорю я. – Скоро будешь в порядке.

– Но ты ведь не уйдешь, Сэм? – робко спрашивает он. – Не бросишь тут меня одного?

Я вышел из пещеры, поймал вождя и встряхнул его так, что с него чуть веснушки не посыпались.

– Если не будешь вести себя как следует, – говорю, – я тебя в два счета отправлю домой.

– Да я же только пошутил, – говорит парень, надувшись. – Я не хотел обидеть старину Хэнка. А потом – зачем он меня ударил? Я буду вести себя прилично, Змеиный Глаз, только ты домой меня не отсылай и позволь сегодня поиграть в рейнджеров.

– Я в эту игру никогда не играл, – говорю. – Это уж вы с мистером Биллом решайте. Я сейчас ухожу ненадолго по делу. А ты ступай, помирись с ним да попроси прощения по-человечески.

В общем, заставил я их пожать друг другу руки, потом отвел Билла в сторонку и сообщил, что отправляюсь в деревушку Поплар Гроув, что в трех милях от пещеры, – попробую узнать, какие слухи из города насчет пропажи мальчика. Кроме того, пора отправить Дорсету-старшему письмо с требованием выкупа и пояснениями, каким образом он должен его нам доставить.

– Знаешь, Сэм, – говорит Билл, – я всегда был готов за тебя хоть в огонь, хоть в воду. Я и глазом не моргну во время землетрясения, мошеннической игры в покер, взрыва ста фунтов динамита, полицейской облавы или урагана. Я ничего на свете не боялся, пока мы не похитили этого предводителя ирокезов. Но он меня добил. Не оставляй меня с ним надолго, ладно?

– Я вернусь к закату, – говорю я. – Твое дело развлекать ребенка. А сейчас давай сочиним писульку его папаше.

Мы с Биллом принялись составлять письмо, а Гроза Прерий расхаживал взад-вперед, завернувшись в одеяло, и охранял вход в пещеру. Билл едва не со слезами на глазах умолял меня назначить выкуп в полторы тысячи долларов вместо двух.

– Я вовсе не пытаюсь таким образом подорвать веру в родительскую любовь, – пояснил он свою позицию. – Это было бы просто аморально. Но ведь мы имеем дело с живыми людьми, а какой человек найдет в себе силы заплатить целых две тысячи за этого конопатого оцелота! Пусть будет полторы тысячи долларов. Разницу, если угодно, можешь компенсировать на мой счет.

Я не стал спорить, и мы с Биллом написали примерно следующее:

Эбenezеру Дорсету, эсквайру

Мы спрятали Вашего мальчика в надежном месте вдали от города. Не только Вы, но и самые опытные сыщики напрасно потратят силы, пытаясь его найти.

Наши окончательные и не обсуждаемые условия: Вы можете получить его обратно живым и невредимым за полторы тысячи долларов. Деньги должны быть оставлены сегодня в полночь на том же месте и в той же коробке, что и Ваш ответ. Где конкретно, будет сказано ниже. Если Вы согласны с нашими условиями, ответьте письмом. Оно должно быть доставлено одним (не более)

посыльным к половине девятого в указанное здесь место. За бродом через Оул-

крик на дороге к Поплар Гроув растут три больших дерева на расстоянии ста ярдов одно от другого, они расположены у изгороди, что тянется мимо пшеничного поля. Под столбом этой изгороди, напротив третьего дерева, Ваш посланец найдет небольшую картонную коробку.

Он должен положить ответ в эту коробку и немедленно вернуться в город. Если Вы попытаетесь обратиться в полицию или не выполните наших требований в точности, то никогда больше не увидите Вашего сына.

Если Вы уплатите указанную сумму, ребенок будет возвращен в течение трех часов. Если наши условия не будут приняты, всякие дальнейшие переговоры исключаются.

Два злодея

На конверте я надписал адрес Дорсета и сунул письмо в карман. Когда я уже собрался уходить, парень подкатывается ко мне и говорит:

– Змеиный Глаз, ты говорил, что я могу поиграть в рейнджеров, пока тебя не будет.

– Играй, о чем речь, – говорю. – И мистер Билл тебе компанию составит. А что это за игра такая?

– Я рейнджер, – говорит Вождь Краснокожих, – и должен скакать в форт, предупредить поселенцев, что приближаются индейцы. Мне уже надоело быть вождем краснокожих. Я хочу быть рейнджером.

– Ладно, – говорю я. – По-моему, игра вполне безобидная. Мистер Билл поможет тебе отразить нападение свирепых гуронов.

– А что мне делать? – спрашивает Билл и с подозрением косится на парня.

– Ты будешь мой конь, – говорит рейнджер. – Как же я доскачу до заставы без коня? Так что давай, становись на четвереньки.

– Потерпи, Билл, – говорю я, – пока наш план не сработает. Разомнись тут слегка.

Билл становится на все четыре, а в глазах у него такое выражение, как у кролика, угодившего в силоч.

– Далеко ли до заставы, парень? – хрипло спрашивает он.

– Девяносто миль, – отвечает рейнджер. – И нам придется поторопиться, чтобы успеть вовремя. А ну, пошел!..

Парень с разбегу вскакивает Биллу на спину и ну колотить пятками по его бокам!

– Ради всего святого, – обморочным голосом говорит Билл, – возвращайся, Сэм, поскорее! Жаль только, что мы назначили полторы тысячи. Он и на тысячу-то не тянет... Эй, да брось ты меня лягать, а не то как вскочу да огрею чем придется!..

Я отправился в Поплар Гроув, посетил почту и лавку, поболтал с фермерами, которые заглядывали в лавку за покупками. Один бородатый увалень, как оказалось, слышал, будто весь город в панике из-за того, что у Эбенезера Дорсета то ли пропал, то ли похищен сынишка. Только это мне и требовалось. Я купил табаку, справился как бы невзначай, почем нынче соя,

опустил письмо в ящик и был таков. Почтмейстер сказал, что через час мимо проедет почтальон и заберет письма, адресованные в город.

Когда я вернулся, ни Билла, ни нашего парня нигде не было. Я обшарил окрестности пещеры, пару раз негромко покричал, но никто не отозвался. Я закурил и присел под сосной в ожидании развития событий.

Примерно через полчаса в кустах послышался треск и шелест, и на поляну под скалой выкатился Билл. За ним, бесшумно ступая, крался рейнджер, ухмыляясь при этом во всю ширину веснушчатой физиономии. Билл остановился, скинул шляпу и вытер мокрое лицо платком. Мальчишка застыл футах в десяти позади.

– Сэм, – едва ворочая языком, проговорил Билл, – можешь считать меня предателем, но у меня больше не было сил терпеть. Я взрослый человек, могу постоять за себя, однако бывают такие моменты, когда все идет прахом – и мужество, и самообладание. Наш парень ушел. Я отправил его домой. Все кончено, слава богу. Бывали мученики в старину, которые были скорее готовы принять смерть, чем расстаться с любимой идеей. Я не из их числа, но, пожалуй, ни один из них не подвергался таким сверхъестественным пыткам, как я. Мне хотелось остаться верным нашему делу, но силы мои закончились.

– Что же тут случилось, Билл? – спрашиваю я.

– Я промчался галопом все девяносто миль до форта, ни дюймом меньше, – отвечает Билл. – Потом, когда поселенцы были предупреждены, мне засыпали овса. Песок – паршивая замена овсу. А потом мне часа полтора пришлось объяснять, почему в дырках пусто, зачем дорога ведет в обе стороны и с какой стати трава зеленая. Еще раз говорю тебе, Сэм, – есть предел человеческому терпению. Хватаю паршивца за ворот и волоку с горы вниз. По дороге он меня лягает, все ноги у меня теперь в синяках, на руке парочка укусов, а большой палец кровит. Но зато его больше нет, – продолжает Билл, – отправился домой. Я показал ему дорогу в город. Черт с ним, с выкупом, потому что вопрос стоял так: либо мы с этим покончим, либо мне прямая дорога в сумасшедший дом.

Билл пыхтит и отдувается, но его округлая румяная физиономия выражает полное блаженство.

– Билл, – говорю, – у тебя в семье никто сердцем не хворал?

– Нет, – отвечает, – ничего такого, кроме малярии да несчастных случаев. А с чего это ты?

– Ну, тогда обернись, – говорю, – и глянь, что там у тебя за спиной.

Билл оборачивается, видит нашего парня и становится бледный, как снятое молоко. После чего плюхается на землю под скалой и начинает тупо рвать траву. Битый час я не был уверен, вернется ли к нему рассудок. Когда он все же начал приходить в себя, я сказал ему, что как по мне, так надо кончать это дело по-быстрому и что мы успеем получить деньги и смыться еще до полуночи, если старик Дорсет пойдет на наши условия. Билл немного приободрился и через силу улыбнулся мальчишке.

План, разработанный мною, чтобы получить выкуп без малейшего риска, был прост, как все гениальное. Думаю, его одобрил бы даже профессиональный похититель малолетних. Дерево, под которое должны были сначала положить ответ, а затем и деньги, стояло у самой дороги; вдоль дороги тянулась изгородь, а по обе стороны от нее – просторные, голые в эту пору поля. Если бы того, кто явится за письмом к указанному в письме дереву, подстерегала шайка полисменов, они еще издали увидели бы его либо на дороге, либо в поле. Но не тут-то было: в половине девятого я уже сидел на этом самом дереве, укрывшись среди листвы, как здоровенная древесная лягушка. Ровно в назначенный час подъезжает на велосипеде мальчишка-подросток, находит картонную коробку под столбом ограды, засовывает в нее сложенную вчетверо бумажку и катит обратно в город.

Я выждал еще около часа, чтобы окончательно убедиться, что нет никакой ловушки. Затем слез с дерева, достал записку из коробки, прокрался в тени изгороди до самого леса и спустя полчаса был в нашей пещере. Там я развернул записку, сел поближе к огню и прочитал ее Биллу:

Двум злодеям

Джентльмены, с сегодняшней почтой поступило ваше письмо относительно выкупа, который вы требуете за то, чтобы вернуть мне сына. Полагаю, что вы запросили лишнее, а потому делаю вам встречное предложение. Думаю, что вы его примете без особых колебаний. Вы приводите Джонни домой и выплачиваете мне двести пятьдесят долларов наличными, а я соглашаюсь его у вас взять. Желательно сделать это ночью, а то соседи думают, что парень пропал без вести, и я не несу ответственности за то, что они сделают с человеком, который доставит Джонни домой.

С совершенным почтением – Эбенезер Дорсет

– Силы небесные! – говорю я. – Такой наглости...

Но тут я глянул на Билла и умолк. В глазах его светилась такая мольба, какой я ни до, ни после этого не видел ни у животных, ни у людей.

– Сэм, – наконец заговорил он, – ведь что такое, в сущности, какие-то двести пятьдесят долларов? Деньги у нас есть. Еще одна ночь с этим вождем краснокожих, и меня придется поместить в палату для буйных умалишенных. Мало того, что мистер Дорсет истинный джентльмен, он еще и выдающийся благотворитель, раз делает нам столь бескорыстное предложение. Ведь ты, Сэм, не упустишь такой шанс, а?

– Сказать по правде, Билл, – говорю я, – парень что-то и мне стал действовать на нервы. Давай отвезем его к папаше, заплатим выкуп и только нас здесь и видели.

В ту же ночь мы доставили мальчишку домой. Мы наплели ему, что отец купил ему винчестер с серебряной насечкой и новехонькие мокасины, а завтра с утра мы всей компанией едем охотиться на медведя.

Ровно в полночь мы постучались в парадную дверь дома Эбenezера Дорсета. И в ту самую минуту, когда я, по идее, должен был извлекать полторы тысячи долларов из картонной коробки под забором, Билл отсчитывал двести пятьдесят полновесных долларов в протянутую ладонь мистера Дорсета.

Как только парень понял, что мы собираемся оставить его дома, он взвыл, как пароходная сирена, и впился в ногу Билла, как пиявка.

Отцу пришлось отдрать его оттуда, как липкий пластырь.

– Сколько вы сможете его так держать? – опасливо спросил Билл.

– Сила у меня уж не та, что раньше, – отвечает старина Дорсет, – но минут десять могу вам гарантировать.

– Этого хватит, – говорит Билл. – За десять минут я пересеку Южные штаты и весь Средний Запад и успею добежать до канадской границы.

И хотя ночь была безлунная, Билл толст и неуклюж, а я отличный бегун, нагнал я его только в полутора милях от городка.